

УДК 93/94

<https://doi.org/10.36906/2311-4444/24-4/09>

Бызов О.И.

БРЮССЕЛИЗАЦИЯ СУРГУТА В КОНТЕКСТЕ ПРОЕКТА МУЗЕЙНО-ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ ЗОНЫ*O.I. Bizov***BRUSSELIZATION OF SURGUT IN THE CONTEXT OF THE MUSEUM AND ETHNOGRAPHIC ZONE PROJECT**

Аннотация. Настоящая статья обращается к актуальной в научном и общественном пространстве проблеме, связанной с сохранением архитектурного наследия городов. Хотя термин «Брюсселизация» и появился относительно недавно, он довольно красноречиво описывает хаотичный подход к проектированию городского пространства, при котором осуществляется неконтролируемый и подчас массовый снос исторической застройки, замещаемой современными образцами архитектуры. Данный вопрос рассматривается на примере позднесоветского Сургута, который, к сожалению, стал классическим образчиком такого рода политики. Поэтому, для выявления исторических условий, способствующих возникновению в городе на Оби дискуссии о возведении музейно-этнографической зоны, автор уделяет немалое внимание анализу градостроительной политики тех лет, как основополагающему фактору, угрожавшему культурному наследию Сургута. В частности, речь идёт об исторически сложившемся районе Старый Сургут и граничащим с ним микрорайоне Энергетиков, который начали возводить в начале 1970-х гг. Основываясь на материалах местной периодики 1980-х-начала 1990-х гг., автор выстраивает хронологическую цепочку, начиная от этапа обсуждения концепций музейно-этнографической зоны и заканчивая внутриведомственными противоречиями, сведшими все проектные начинания на нет. Также приводятся оценки современников, позволяющие наиболее точно раскрыть и продемонстрировать мнение общественности на происходившие тогда события, касающиеся проблемы сохранения исторической памяти. Благодаря анализу материалов периодической печати, прибегая к методам историзма, структурализма и позитивизма, автором были выделены основные причины, по которым концепция музейно-

Abstract. This article addresses the problem of preserving the architectural heritage of cities, which is topical in the scientific and public space. This article addresses the problem of preserving the architectural heritage of cities, which is topical in the scientific and public space. Although the term Brusselisation has appeared relatively recently, it quite eloquently describes a chaotic approach to the design of urban space, which involves uncontrolled and sometimes massive demolition of historical buildings, replaced by modern examples of architecture. This issue is considered on the example of late Soviet Surgut, which, unfortunately, has become a classic example of this kind of policy. Therefore, in order to identify the historical conditions contributing to the emergence of the discussion on the construction of a museum and ethnographic zone in the city on the Ob, the author pays much attention to the analysis of urban planning policy of those years as a fundamental factor that threatened the cultural heritage of Surgut. In particular, we are talking about the historically established district of Old Surgut and the neighbourhood of Energetikov bordering it, which began to be built in the early 1970s. Finally, based on the materials of local periodicals of the 1980s-early 1990s, the author builds a chronological chain, starting from the stage of discussing the concepts of the museum-ethnographic zone and ending with intra-departmental contradictions that brought all project endeavours to naught. The content of the article also contains the assessments of contemporaries, which allow to reveal the public's opinion on the events that took place at that time, concerning the problem of preserving historical memory. Through the analysis of periodicals, using the methods of historicism, structuralism and positivism, the author identified the main reasons why the concept of the museum-ethnographic zone remained

этнографической зоны так и осталась не реализованной. В частности, речь идёт о ведомственных интересах заказчика, а также о бездействии органов власти и Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры.

Ключевые слова: идентичность города, музеификация, музейно-этнографическая зона, памятники зодчества, 400-летие Сургута, историческая память, ведомственные интересы, Старый Сургут, Брюсселизация.

Сведения об авторе: Бызов Олег Игоревич, ORCID: 0009-0004-2155-8844, Тюменский государственный университет, г. Тюмень, Россия, bizovoleq@yandex.ru

unrealised. In particular, we are talking about the departmental interests of the customer, as well as the inaction of the authorities and the All-Russian Society for the Protection of Monuments of History and Culture.

Keywords: city identity, museification, museum-ethnographic zone, monuments of architecture, 400th anniversary of Surgut, historical memory, departmental interests, Staryy Surgut, Brusselization

About the author: Oleg I. Bizov, ORCID: 0009-0004-2155-8844, Tyumen State University, Tyumen, Russia, bizovoleq@yandex.ru

Бызов О.И. Брюсселизация Сургута в контексте проекта музейно-этнографической зоны // Вестник Нижневартовского государственного университета. 2024. №4(68). С. 94-114. <https://doi.org/10.36906/2311-4444/24-4/09>

Bizov, O.I. (2024). Brusselization of Surgut in the Context of the Museum and Ethnographic Zone Project. *Bulletin of Nizhnevartovsk State University*, (4(68)), 94-114. (in Russ.). <https://doi.org/10.36906/2311-4444/24-4/09>

После открытия в Западной Сибири богатейших залежей природных ресурсов жизнь многих населённых пунктов Тюменского Севера меняется. Начинается активная урбанизация региона, который в скором времени приобретёт статус нефтегазового центра Советского Союза. Одним из городов, претерпевших значительные изменения, становится Сургут. В 1960-е гг. на его территории появились посёлки геологов, строителей, нефтяников, изменившие облик и структуру нефтяного центра [12, с. 131]. На рубеже 1960–1970 гг. градостроительные процессы продолжают набирать обороты и получают своё оформление в новом генплане города [12, с. 132].

Если более подробно останавливаться на районе Старого Сургута, то в начале 1970-х гг. рядом с ним начинают возводить новый жилой микрорайон, предназначенный для энергетиков-строителей и эксплуатационников будущей гидроэлектростанции [16, с. 3]. Все необходимые работы, приближавшие градостроителей к намеченной цели, велись весьма активно. Как писал А. Нечушкин, занимавший в тот период времени должность главного инженера дирекции строящейся ГРЭС, «Уже... возвышаются на месте бывшего совхозного поля пятиэтажные корпуса первых крупнопанельных домов... Всего в 1970 году в микрорайоне запланировано заселить более 14000 квадратных метров жилой площади... Это только начало. К пуску ГРЭС... в микрорайоне будет насчитываться около 4000 благоустроенных квартир» [16, с. 3].

Так или иначе, несмотря на имеющиеся планы по возведению микрорайона Энергетиков, в начале 1970-х гг. Старому Сургуту, как заверял главный архитектор города О.В. Шока, ничего не угрожало, по крайней мере пока. В частности, в интервью газете «К победе коммунизма» он, отвечая на вопрос «Какие изменения претерпит старый Сургут?»,

говорил: «Почти никаких. Возможен некоторый снос при расширении микрорайона Энергетиков... И вообще этот план... рассчитан на минимум сноса. Его можно назвать планом-минимумом. Снос возможен лет через десять» [20, с. 3]. Параллельно с этим, как отмечает С.И. Веселов, Флегонт Яковлевич Показаньев впервые поднимает вопрос о сохранении исторической застройки города в районе стыка улиц Советской и Республики [6, с. 86]. Также стоит добавить, что в 1972 г. в Сургуте проходила конференция по градостроительству северных городов. Среди её участников, например, были представители проектных организаций Госстроя РСФСР. Именно на её площадке Ф.Я. Показаньев изложил собравшимся краткую историческую справку о Сургуте, а также выступил с инициативой создания небольшой историко-этнографической зоны, которую единогласно поддержали все участники конференции [6, с. 86].

В общем и целом, к началу 1970-х годов Сургут, как отмечал директор филиала ЛенЗНИИЭП Е. Никифоров, представлял из себя совокупность обособленных ведомственных поселков, растянувшихся с востока на запад вдоль поймы Оби. Что-же до самого Старого Сургута, то он, по словам автора, «сохранившийся в первозданном состоянии, как ни странно, вызывает большое впечатление городского административного района. Здесь располагаются почти все органы городского управления» [17, с. 3]. Наравне с этим, как пишет И.Н. Стась, начало строительства ГРЭС и железнодорожного узла лишь усугубило фрагментацию городского пространства, благодаря чему к 1980-м гг. Сургут всё еще представлял из себя некоторое число ведомственных жилых массивов, никак не связанных между собой: существовали посёлки речников, геологов, энергетиков, строителей, нефтяников, а также исторически сложившиеся поселения – старый город, посёлок Чёрный мыс [25, с. 20].

Ситуация начинает кардинально меняться к концу 1970-х гг., когда упование местных органов власти на то, что реализация очередного варианта генплана сохранит старый Сургут, не оправдалась [2]. Многоэтажки начали постепенно стирать историческое пространство города, видоизменяя его ландшафт. В этих условиях, как отмечает И.Н. Стась, «городское сообщество осознало, что теряет историческую идентичность» [25, с. 24]. В связи с чем в 1982–1983 гг. разворачивается дискуссия о возведении в Сургуте музейно-этнографической зоны [25, с. 24].

По задумке, она являлась самым масштабным проектом, который венчал бы собой все подготовительные мероприятия к празднованию 400-летия со дня основания Сургута. История этой программы началась в 1982 году, когда в Великом Новгороде состоялся IV съезд Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры. О некоторых его итогах, касающихся будущего проекта, писал в периодической печати А. Аболонин, занимавший в тот период должности председателя президиума городского отделения ВООПИК и главного архитектора города: «Юг Тюменской области уже завоевал признание своими памятниками деревянной и каменной архитектуры, а Тобольск с его белокаменным Кремлём известен далеко за пределами нашей страны. Не обойден вниманием на съезде и

наш Сургут – старейшина городов Среднего Приобья. Госстрою РСФСР и Центральному совету общества охраны памятников поручено изучить и подготовить предложения по сохранению части старого Сургута и созданию музейно-этнографической зоны» [1, с. 2]. Наравне с этим, как отмечает автор, такого рода историко-просветительский проект позволил бы создать в городской черте площадку, где под открытым небом были бы собраны все имеющиеся предметы старины и быта, а также характерные постройки старого времени, демонстрирующие историю развития Сургута. По мнению А. Аболонина, музейно-этнографическую зону предпочтительно было бы разместить в районе, где в 1970–80-е годы находились здания краеведческого музея и музыкальной школы № 1. Поскольку, как писал главный архитектор города, «Эта территория, как полагают краеведы, является и местом начала строительства Сургута, где был заложен в 1593 году и построен деревянный острог» [1, с. 2]. Стоит заметить, что в будущем локация объекта подвергнется значительной корректировке. В частности, речь пойдёт об участке земли восточнее улицы Энергетиков, расположенном на берегу реки Саймы [8, с. 3].

Жители Сургута узнают о проекте на самых ранних этапах его обсуждения, благодаря средствам массовой информации. Говорить о тональности реакции горожан сложно. Однако, в это время выходит в свет статья М. Буканиной, в которой чувствуется поддержка и одобрение принятого решения: «С большим интересом прочитали статью главного архитектора города А. Аболонина... Действительно, настала пора вплотную заняться созданием музейной зоны Сургута, города необычной и яркой судьбы. И нужно это не только нашим потомкам, но и современникам, которые творят его историю, меняют облик. Здесь, в городе на Оби, родились и жили наши отцы и деды, здесь появились на свет наши дети и внуки. Мало сказать, что за последние двадцать лет Сургут изменился неузнаваемо... И больно видеть... пренебрежительное отношение к городу со стороны его временных жителей..., совершенно не знающих ни славной истории Сургута, ни его настоящего. И создание музейной зоны города поможет кой-кому взглянуть на него другими глазами» [4, с. 3].

Апофеозом общественной дискуссии вокруг проекта музейно-этнографической зоны стал круглый стол, организованный редакцией газеты «К победе Коммунизма», который прошёл в Сургуте во второй декаде ноября 1983 года. В нём приняли участие заместитель председателя горисполкома Л.Ю. Рокецкий, главный архитектор города А.П. Аболонин, представители Ленинградского проектного института, общественности, промышленных организаций, а также журналисты. Общей темой обсуждения стала проблема сохранения Старого Сургута как исторической памяти и создание музейно-этнографической зоны [30, с. 3]. Как отмечал А.П. Аболонин, к ноябрю 1983 г. существовало несколько вариантов музеефикации исторического центра Сургута. Первый из них подразумевал возможность сохранения для будущих поколений всего трёх-четырёх зданий, имеющих неоспоримую архитектурную и историческую ценность. Если говорить о второй концепции, то она

строилась вокруг идеи переноса старой части города на новое место. Наконец, специалистами обсуждалась и третья вариация проекта музейно-этнографической зоны, отличавшаяся от прочих своим масштабом. Например, она рассматривала возможность воссоздания Сургутского острога [30, с. 3].

В.И. Унжаков, занимавший в тот период времени должность главного архитектора филиала ЛензНИИЭПа, акцентировал внимание собравшихся на практической составляющей обсуждаемого вопроса. Во-первых, он отметил проделанную работу Ленинградского проектного института. В частности, к ноябрю 1983 г. уже была осуществлена инвентаризация сохранившихся зданий, а также сделана топо- и фотосъемка. Во-вторых, В.И. Унжаков озвучил предложение ВООПИК о прекращении сноса деревянной застройки Старого Сургута пока не будет вынесено четкого решения Госстроя, относительно всех трёх озвученных на круглом столе проектов [30, с. 3].

Позицию органов власти сформировал Л.Ю. Рокецкий. Он отметил, что к 1983 г. все окраины города были практически застроены. При этом, они располагались в болотистой местности и обладали высокой плотностью жилого фонда. Старый Сургут, в свою очередь, был полной противоположностью. Что касается памятников архитектуры, то, по словам зампреда горисполкома, таковых в Сургуте было крайне мало. Поэтому, сначала необходимо провести должное научное исследование и только потом приступить к созданию музейно-этнографической зоны. Наконец, все старые здания должны были быть перенесены на новое место [30, с. 3].

Иной точки зрения придерживался М.М. Гарипов, занимавший в 1983 г. должности председателя общественной инспекции, члена президиума совета Томского отделения ВООПИК. Во-первых, он предложил собравшимся сохранить здание скорой помощи, которое имело «приятную резьбу», интересную планировку, а также оригинальное решение дворового фасада. По его словам, «Эта постройка, если привести ее в надлежащий вид, может стать гордостью города» [30, с. 3]. Во-вторых, М.М. Гарипов говорил о важности музеефикации не только больших домов, имеющих богатое декоративное оформление, но и простых, бедных домиков. Наравне с этим, он отмечал, что Сургут является местом сосредоточения образцов уникальной деревянной архитектуры. Например, это постройки, выходящие во двор прирубам с оригинальными навесами над крыльцом [30, с. 3].

Наконец, стоит озвучить позицию архитектора А.А. Медведевой. По её мнению, проект музейно-этнографической зоны позволит Сургуту обрести своё лицо, а также придаст ему неповторимый облик. Однако, что важно, недостаточно просто прочертить некую воображаемую линию, идущую по определённой улице, которая позволит размежевать имеющиеся деревянные строения по принципу: «это можно сносить, а это нет. Напротив, необходима буферная зона между новой застройкой и исторической. А.А. Медведева подвергла критике идею переноса. Поскольку, как отмечает автор, «куда бы мы ни переносили старые дома, это будут уже не исторические дома, а

среднеарифметические, если можно так выразиться. Здесь интересен сам старый город» [30, с. 3].

В общем и целом, как мы можем отметить, в 1983 г. дискурс вокруг будущей музейно-этнографической зоны конструировался вокруг двух ключевых точек. Первая, которую формировало ВООПИК, академическое сообщество, а также архитекторы, исходила из того, что Старый Сургут являлся памятником деревянного зодчества, имеющим бесспорную историческую ценность. Исходя из этого, его необходимо сохранить. Здесь, правда, мнения отличались. С одной стороны, была программа минимум, которая подразумевала музеефикацию лишь трёх-четырёх строений. С другой – существовали и альтернативные предложения о сохранении куда большего количества домов. Оппонировала же всему вышесказанному утилитарная точка зрения, выросшая на почве острой нужды в новых квадратных метрах и географических преимуществ Старого Сургута. В будущем, как нам кажется, этот негласный спор между исторической памятью и «брюсселизацией» сыграет свою решающую роль в проекте музейно-этнографической зоны.

В декабре 1983 г. в Сургут прибывает специальная комиссия ВООПИК и управления культуры. Осмотрев застройку исторически сложившейся части города, она пришла к заключению, что снос старых домов в этом районе необходимо признать необоснованным, а также выступила с инициативой сохранения того, что еще осталось [11, с. 3]. Однако, здесь это важно подчеркнуть, выводы, озвученные комиссией, вызвали несогласие Р. Исупова, занимавшего в тот период должность начальника сектора подготовки строительства ОКСа РЭУ Тюменьэнерго. В частности, он оценивал доводы, выдвинутые специалистами, следующим образом: «Приезжая комиссия высказала упрек городу за то, что он посягнул на исторические памятники... Прежде всего речь идет о доме, в котором якобы была провозглашена Советская власть в Сургуте. Уместно напомнить, что первый съезд рабочих, крестьянских и солдатских депутатов... работал в народном доме, который... сгорел в середине 20-х годов. В 1931 году на этом месте заложили жилой дом леспромхоза... Сруб этого здания привезен с одного из лесоучастков района. И выдавать существующую сейчас постройку за дом, в котором была провозглашена Советская власть, – значит фальсифицировать исторический факт» [11, с. 3].

Помимо прочего, полемика между комиссией ВООПИК и Р. Исуповым развернулась вокруг судьбы двух деревянных домов № 7 и № 10, расположенных на улице Просвещения. Как отмечал представитель РЭУ Тюменьэнерго, оба капитальных строения, в которых ранее размещались «белая» и «красная» школы, а до этого проживали купцы Иван Тетюцкий и Галактион Клепиков, основательно подгнили и требуют капитального ремонта. Наконец, как отмечал Р. Исупов, «купеческие дома не являются характерными для Сургута строениями. В них жили лишь несколько семей богачей. Основная же масса населения проживала совершенно в иных условиях. Вся ценность оставшихся домов сводится к их

карнизному рисунку, оконным наличникам» [11, с. 3]. Поэтому, как резюмирует автор, вряд ли что-то изменится, если один из домов или оба будут демонтированы.

Исходя из вышеизложенного, мы полагаем, что в данный период закладывается основа для взаимного недопонимания между общественностью и ВООПИК – с одной стороны, и застройщиком микрорайона «Энергетиков» – с другой. У последнего, со слов Р. Исупова, на будущее этого пространства уже имелась своя концепция. В частности, планировалось в ближайшие три-четыре года построить современными пятиэтажными домами всю территорию от улицы Энергетиков до Гагарина [11, с. 3].

Наконец, после того как в городе завершила свою работу специальная комиссия ВООПИК и управления культуры, сургутский горисполком принимает решение № 241 от 22 декабря 1983 г., которое гласило: «Идя на встречу пожеланиям трудящихся, исполком городского Совета народных депутатов решил: 1. К 400-летию г. Сургута – одного из самых древних городов Западной Сибири – создать историко-этнографическую зону под открытым небом на основе наиболее ценных деревянных зданий, перенесенных с территории строительства микрорайона № 10. 2. Зону разместить на участке восточнее улицы Энергетиков, на берегу реки Саймы, постоянный уровень воды в которой будет обеспечиваться проектируемой плотиной» [8, с. 3]. Таким образом, проект культурно-просветительского комплекса окончательно обретает официальный статус и выходит на совершенно иной уровень. Уже в 1984 г., как отмечал П. Мунарев, занимавший в 1990 г. должность председателя городского отделения ВООПИК, у музейно-этнографической зоны появляется заказчик в лице объединения Тюменьэнерго, а также подрядчик – трест Запсибэнергожилстрой (Сургутэнергострой) [15, с. 3]. Помимо прочего, определённая доля обязанностей возлагалась на филиал ЛенЗНИИЭПа и архитектурную службу города. В этом же году планировалось приступить к непосредственному оформлению комплекса [7, с. 3].

Если говорить о причине такого выбора исполнителей, то по мнению Т. Самборского, являвшегося журналистом газеты «Сургутская трибуна», она исходила из ведомственных интересов РЭУ Тюменьэнерго. Поскольку, для энергетиков Старый Сургут являлся территорией, имеющей крайне выгодное месторасположение. Во-первых, он находился на высоком и сухом плато. Во-вторых, в случае осуществления здесь каких-либо строительных работ для подрядчика отпадала бы необходимость создания магистральной автодороги и других необходимых коммуникаций. В-третьих, объединение Тюменьэнерго имело бы возможность существенно снизить затраты по вводу в эксплуатацию микрорайона № 10, поскольку неподалёку уже возводились новые жилые массивы [21, с. 3]. Поэтому, энергетики просили руководство горисполкома передать эту территорию им, а взамен – они бы согласились выступить в качестве заказчика музейно-этнографической зоны. Когда же Старый Сургут, как историческое пространство, было полностью уничтожено, РЭУ Тюменьэнерго пошло на попятную и в 1991 г. вместе с генподрядчиком трестом Сургутэнергострой фактически самоустранилось от строительства зоны, оставив ее проблемы на плечах горисполкома [21, с. 3].

Примерно в это же время происходят очередные баталии вокруг выбора будущей концепции комплекса. Как отмечалось выше, А. Аболонин считал идею переноса Старого Сургута в другое место абсолютно бессмысленной. Ведь куда более проще отреставрировать имеющиеся деревянные строения. Поэтому главный архитектор города и директор краеведческого музея Л.В. Степанова обращаются к тогдашнему руководству горисполкома с предложением сохранить несколько не снесённых к тому моменту улиц, составлявших исторический центр Сургута. Они также озвучивают идею возвращения этим магистралям дореволюционных названий: Купеческая и Богородичная. Наконец, А. Аболонин рассматривал возможность открытия на берегу Бардаковки тематического трактира, отсылавшего своим меню к стародавним временам. Например, в его стенах можно было бы «испробовать различные сорта рыб и испить водки». Само же заведение могло располагаться в двухэтажном здании, которое стояло возле ресторана «Сибирь», от которого к 1991 г. остался лишь наличник, отправленный на хранение в краеведческий музей [21, с. 3].

После того, как Л.В. Степанова и А. Аболонин рассказали о своём плане шефу-председателю горисполкома О.Д. Марчуку, они получили решительный отказ, поскольку у последнего имелось собственное видение на проект музейно-этнографической зоны. Например, она должна была иметь солидный размах, собственную «изюминку» и включать в себя какой-нибудь острог или колоколенку [21, с. 3]. Видимо, здесь идёт речь о идее воссоздания старой Сургутской крепости, чертежи которой сохранились в Тобольском краеведческом музее [7, с. 3]. Несмотря на это, Л.В. Степанова предложила О.Д. Марчуку оставить на прежнем месте хотя бы здания краеведческого музея и музыкальной школы № 1, однако и здесь не было достигнуто компромисса. Так или иначе, в 1984 г. на строительство культурно-просветительского комплекса было выделено почти 2,5 млн рублей. Итоговая сумма могла быть значительно ниже, если бы была учтена позиция главного архитектора города, ведь тогда бы не пришлось выделять дополнительные средства на разборку домов, их дальнейшую транспортировку, сборку, а также рубку леса [21, с. 3].

Наравне с этим, в 1984 г. в общественном дискурсе проходит заочное обсуждение внутреннего наполнения историко-этнографической зоны, которое получило своё письменное выражение в статье Ивана Захарова «Музейная зона города». Согласно её содержанию, в состав культурно-просветительского комплекса предлагалось включить существовавший на тот момент автодорожный мост через реку, а также часть построек, находившихся по левую сторону Прямой вершины Саймы. У этого решения, видимо, было и своё обоснование. Поскольку, как отмечалось автором, историки считали, что именно на этом месте располагалась стоянка древних людей – урочище Бардака [7, с. 3]. Помимо прочего, переносу, согласно решению горисполкома, должны были подвергаться памятники деревянного зодчества в лице зданий городского музея и музыкальной школы

№ 1. Стоит обозначить, что они, как следует из статьи И. Захарова, выделялись на фоне остальных своим внешним нарядом, резьбой карнизов и наличников [7, с. 3].

Так или иначе, все постройки, которые теоретически могли бы быть перенесены в этнографическую зону, подвергались ранжированию и отбору. Ярким примером подобного подхода могут считаться дома 7 и 10 по ул. Просвещения. Они, как отмечает автор статьи, не относились к категории сооружений, характерных для Сургута, поскольку до революции в них жили купеческие семьи, когда основное население города проживало в совершенно иных условиях. Наконец, особняки сургутских крестьян и батраков не отличались особым нарядом. Однако, по мнению И. Захарова, такого рода сооружения не могли безвозвратно исчезнуть с карты города. Напротив, наиболее примечательные и уникальные образцы должны подвергнуться музеефикации. Например, речь шла о доме братьев Меньщиковых (ул. Зырянова), а также о небольших строениях с дворовыми постройками по улицам Республики, Просвещения, Гагарина [7, с. 3]. Давая историческую справку, заметим, что за строительством и декоративным оформлением музыкальной школы № 1 стоял сургутский мастер Иван Фёдорович Кайдалов. Что касается дома, расположенного по улице Республики, 32, то его возвела династия Логиновых – Пётр Савинович с сыновьями Александром, Петром и Михаилом. В свою очередь, строение, где в 1970-е гг. размещалась партийная библиотека, возводилось при участии талантливого мастера резьбы по дереву Фёдора Акинфовича Кайдалова [13, с. 4].

Переходя от инициатив и предложений к конкретным замыслам, стоит заметить, что в 1986 г. институт ЗапсибЗНИИЭП разработал проект музейно-этнографической зоны под авторством архитектора Вячеслава Дмитриевича Зайцева. Многие его предложения были одобрены на заседании градостроительного совета, который состоялся 16 января 1987 года [8, с. 3]. Концепция института заключалась в том, чтобы на месте, где в 1980-е гг. размещались рынок и станция технического обслуживания автомобилей «Жигули», создать площадку для более чем двух десятков старых домов, тем самым реализовать концепцию музея под открытым небом. В.Д. Зайцев предлагал разделить музейно-этнографическую зону на четыре секции. Первая и самая большая отводилась непосредственно под музейные функции. Второй сегмент передавался в пользование общественным организациям, в частности, обществу охраны памятников истории и культуры (ВООПИК), Союзу архитекторов, бюро путешествий и экскурсий. Третья часть закреплялась под нужды соцкультбыта. Предполагалось, что на территории музейно-этнографической зоны будет функционировать столовая с традиционными сургутскими «кушаньями» – пельменями, малосольной и вяленой рыбой, грибами, ягодой. Проект института ЗапсибЗНИИЭП предусматривал наличие магазинов, в которых сургутяне и гости города имели бы возможность приобрести сибирские сувениры, меха и кое-какую традиционную одежду (кумыш, бродни, ноговицы). Наконец, четвертая секция передавалась в пользование обслуживающему персоналу: сторожам, дворникам, техничкам, электрикам, сантехникам [8, с. 3]. Кроме того, по словам Т. Топилиной, занимавшей должность ответственного

секретаря сургутского отделения ВООПИК, разработанный проект музейно-этнографической зоны не только оговаривал пространства, отведённые под вышеперечисленные секции, но и включал в себя объекты с приобских поселений Сургутского района [28, с. 4].

Что касается практической стороны вопроса, то в 1986 г. проект культурно-просветительского комплекса столкнулся с рядом трудностей и преград. Например, это продолжающийся снос деревянной застройки Сургута в целях освобождения места под новые жилые кварталы. Стоит заметить, что жертвами реновации могли стать не только «рядовые» дома, но и строения, имеющие историческую ценность. Об этом, в частности, говорится в статье «Чтобы город не был безликим». В ней Ф.Я. Показаньев жалеет о том, что при сносе старых сооружений было уничтожено пять мемориальных досок, а общество и, в частности, местное отделение ВООПИК не предприняло каких-либо мер для их сохранения [18, с. 3]. Стоит признать, что наметившиеся негативные тенденции с годами только усиливались. В частности, в 1989 г. И. Захаров констатировал всё те же процессы: «Все меньше и меньше остается старых домов в деревянном Сургуте. Те, которые должны были встать на пьедестал памяти, идут под нож бульдозера да на костер» [8, с. 3].

Наравне с этим, вокруг музейно-этнографической зоны образовывается ещё один клубок проблем, связанный на этот раз с неудовлетворительным выполнением решений по сохранению культурного наследия Сургута. Об этом, в частности, пишет Т. Топилина: «город, который является центром энергетики Среднего Приобья, должен иметь своё лицо... Этой цели и должна служить историко-этнографическая зона. И все это понимают. Однако решения по сохранности исторической застройки Сургута выполняются неудовлетворительно. Объясняется это множеством причин, основной из которых является несогласованность в этом деле заказчика по застройке микрорайона № 10 РЭУ Тюменьэнерго, института ЗапсибЭНИИЭП, ВООПИК» [28, с. 4].

Так или иначе, несмотря на все вышеперечисленные трудности, в 1986 г. на городском уровне проходит совещание по вопросам создания историко-этнографической зоны, на котором обсудили состояние дел, определились с конкретными сроками исследовательских работ, разборки зданий, а также с площадкой под складирование переносимых объектов. Наконец, сотрудники института Спецпроектрестоврация провели обмерные работы, повторное обследование оставшейся застройки старого Сургута, уточнили список домов, подлежащих переносу, осуществили их фотофиксацию, а также занялись архивными изысканиями [28, с. 4].

Когда проектная деятельность вновь перешла в практическую плоскость перед специалистами возникла новая проблема, но уже иного плана. Как отмечала Т. Топилина, институт Спецпроектрестоврация остро нуждался в создании местного специализированного прорабского участка, поскольку на тот момент времени в Сургуте отсутствовали квалифицированные кадры, способные проводить специфичные работы по

разборке, реставрации, перевозке и восстановлению домов. Что-же до привлечения иногородних специалистов, то, по словам ответственного секретаря сургутского отделения ВООПИК, «у реставраторов... из Московского проектного института есть свои сложности, связанные с тем, что здания будут разбираться постепенно по мере того, как будет развиваться застройка данного жилого массива. Специалистов... приходится каждый раз вызывать по мере необходимости, создаются определенные неудобства для людей, налицо лишняя трата денежных средств. Кроме того, каждый раз возникает проблема с приобретением авиабилетов, и сотрудники института не всегда успевают прилететь в назначенный срок. Из-за таких задержек были снесены еще три усадьбы» [28, с. 4]. Поэтому, учитывая сложившуюся ситуацию, сургутская ячейка общества охраны памятников обратилась в областное отделение ВООПИК с просьбой о ходатайстве перед Министерством культуры РСФСР по созданию Сургутского прорабского участка от Тюменской или Тобольской реставрационной мастерских [28, с. 4].

Наравне со всем вышеперечисленным, с 1986 г. по 1987 г. происходит новый виток обсуждений, совещаний, за которым не последовало никаких конкретных дел [15, с. 3]. Например, 30 ноября 1987 г. местный горисполком принимает решение № 380 «О создании историко-этнографического комплекса в г. Сургуте». Согласно ему, как пишет С.И. Веселов, «генеральным пользователем историко-этнографического комплекса был утвержден Сургутский филиал областного краеведческого музея. Тем не менее, заказчиком строительства комплекса оставалось РЭУ Тюменьэнерго» [6, с. 87].

Ситуация начинает обретать новые очертания к концу 1980-х годов. С одной стороны, общественность города, в лице Ф. Показаньева, И. Захарова, А. Мясникова, А. Сибирцева и Е. Лоншаковой, выражала серьёзную обеспокоенность на счёт темпов оформления комплекса [19, с. 4]. С другой – в феврале 1989 г. осуществляется вторичный срыв плана по созданию площадки для складирования материалов от снесенных домов. На этот раз, как отмечает С.И. Веселов, основная доля ответственности была возложена на Немцова и Судакова, занимавших должности руководителей треста «Запсибэнергожилстрой» [6, с. 87].

Как сообщает П. Мунарев, у музейно-этнографической зоны появился субподрядчик в лице московского кооператива «Эргос». Столичные специалисты принялись за сборку здания бывшей аптеки, которое было возведено в 1930 году [15, с. 3]. Однако, к сожалению, далее у кооператива «Эргос» возникли значительные трудности со снабжением и поддержкой со стороны ответственных лиц. Как пишет П. Мунарев: «Заказчик не обеспечил одним, подрядчик – другим. Другие организации не оказали помощи, и московские кооператоры, собрав лишь пять-шесть венцов здания, отбыли домой» [15, с. 3].

Немного по-иному на эту ситуацию смотрел Т. Самборский: в самом начале сотрудничества городских властей с кооперативом «Эргос» отношения между ними складывались в конструктивном ключе. Однако далее, как уже отмечалось выше, столичные специалисты начали жаловаться на недопоставку леса, а также обрушились с

критикой на горисполком. В общем и целом, по мнению Т. Самборского «москвичи занимались чем угодно, от бесконечных чаепитий до выяснений отношений с властями, но только не строительством и реставрацией домов» [21, с. 3]. Наконец, сотрудники «Эргоса» внезапно исчезли. При этом московская сторона никого не уведомила о сроках своего отсутствия. Однако, по прошествии нескольких месяцев, Г. Шалаев и его подчинённые вновь объявляются в Сургуте, чтобы получить деньги за проделанную работу. Решив все финансовые вопросы, столичные специалисты покинули город и больше сюда не возвращались [21, с. 3].

Наравне с этим, в 1989 г. общественность города начинает всё больше волновать проблема вандализма, которая напрямую влияла на будущее музейно-этнографической зоны. Благодаря чему, она и получает своё отражение на страницах периодической печати. В частности, речь идёт о письме Татьяны Егоровой, проживавшей на улице Просвещения. В нём она сообщает о том, что дома, предназначенные для мемориального комплекса, активно разрушают. Эти процессы описываются следующим образом: «По ночам то тут, то там вынимают оконные рамы, снимают разные наличники, вырывают полы, ломают потолки. А потом все это везут по дачным участкам. Разрушения продолжаются уже не один год. И нет никакой управы на ночных грабителей наших мемориальных ценностей» [8, с. 3]. К слову, в 1990 г. об аналогичной проблеме, но уже обрётшей более спланированный и скоординированный характер, пишет Т. Самборский: «Людмила Васильевна рассказывала, как растаскиваются дома. Только из них выселят людей, как на следующее же утро подъезжают грузовики, и бравые ребята принимаются за работу. Снимают наличники, доски, разбирают брус. Если кто-то из музейных работников требовал прекратить грабеж, ребята невозмутимо парировали: «А нам-то что? Нас прислали – вот мы и делаем» [22, с. 3].

Несмотря на имеющиеся трудности, в июне 1989 г. в исполкоме городского Совета народных депутатов состоялось совещание по подготовке к празднованию 400-летию Сургута. На нём был избран комитет по подготовке к юбилею, а также было принято решение об открытии счета в банке для создания фонда по подготовке к юбилею [5, с. 2]. Поскольку, как следовало из разработанной А.А. Бондерем концепции монументальной пропаганды, в ближайшие время предполагалось приступить к комплексному благоустройству Сургута [24, с. 2]. Что же до музейно-этнографической зоны, то, согласно планам комитета, к последнему воскресенью июня 1993 г. все работы по её формированию будут завершены [5, с. 2]. Однако ещё в мае того-же года И. Захаров отмечал отсутствие каких-либо серьёзных строительных работ в районе р. Саймы. В частности, он писал: «никто из нас не знает какова судьба проекта. По крайней мере, практического осуществления не видно... Пока у нас ведутся разговоры о музейно-этнографической зоне, в Ханты-Мансийске ее уже построили... Скоро музей под открытым небом будет в глухой деревушке Варьеган. А у нас на том месте, где должны стоять памятники истории и

культуры, всё еще латают «Жигули», торгуют семечками, аквариумными рыбками, а по воскресеньям втридорога продают сапоги да шапки» [8, с. 3].

Неопределённость вокруг памятников деревянного зодчества волновала и жителей Старого Сургута. В открытом письме, отправленном в редакцию местной газеты, они писали: «Не без интереса относимся и к судьбе пока еще существующих трех старых строений – зданиям музыкальной школы № 1, музея и бывшей амбулатории. Состояние двух первых еще как-то поддерживается, правда, без особых стараний и желания. Здание бывшей амбулатории вообще находится в прозябании и забвении. Сорваны с половины окон наличники, крыша разрушается, вокруг свалка металлолома, во дворе – «филиал» автобазы... Что ждет их в будущем? Перенос, случайный костер или нож бульдозера?» [3, с. 2]. Их опасения, к сожалению, оправдались. В 1990 г. музыкальная школы № 1 была безвозвратно утрачена во время пожара. Печальная участь постигла и дом, в котором функционировала сургутская амбулатория. До наших дней в первоизданном виде сохранилось лишь здание краеведческого музея, в котором до 1958 г. располагалась «Красная школа», а в настоящее время функционирует структурное подразделение краеведческого музея [9].

С наступлением нового десятилетия ситуация вокруг музейно-этнографической зоны не претерпела значимых изменений. В 1990 г., после того как было прекращено сотрудничество с московским кооперативом «Эргос», трест Сургутэнергострой привлек к строительству местный кооператив «Комплекс» [15, с. 3]. Однако, как и в предыдущий раз, к долгожданному перелому сложившейся ситуации это решение не привело. В частности, как отмечает П. Мунарев: «И снова совещания. В отличие от прошлых лет, на них не возникает вопросов – всё ясно и понятно. Силы есть, материалы есть. Было четко расписано: один отвечает за то, другой – за то-то, третий – за третье. Что в результате? В результате все та же безответственность. По-прежнему жильцы из оставшихся домов этой зоны не отселяются, не решаются вопросы переноса городского рынка и станции технического обслуживания, не разбираются в старом Сургуте освобожденные здания. Значит, и 1990 год пройдет впустую, и работы по зоне не начнутся» [15, с. 3].

Наконец, если более обстоятельно говорить о ситуации на отведенном участке работ, то к 1990–1991 гг., как пишет Т. Самборский, стройплощадка музейно-этнографической зоны выглядела весьма непрезентабельно: «Бродят сонные рабочие из кооператива «Комплекс», изнывают от безделья и жары. Насчитал пятерых, но говорят, что всего их десять... Они могут выполнять только комплексные работы: траншеи вырыть, канализацию проложить. Ну, – если очень постараться – фундамент дома положить. Работа с деревом для них – темный лес» [21, с. 3]. Таким образом, как можно заметить по общей тональности публикаций, к началу 1990-х годов проблема окончательного перехода проекта из бюрократической плоскости в практическую так и не была полностью решена. Да, определенная работа велась, но она носила волнообразный характер. То загоралась, то через непродолжительное время снова затухала, тем самым вновь перетекая в бумажную

волокиту. Это промедление, как отмечалось выше, не прошло бесследно и множество памятников деревянного зодчества было утрачено. Среди таковых был дом, в котором с 1920–1921 гг. жил секретарь Сургутского уездного комитета РКП(б) А.П. Зырянов [6, с. 87]. Несмотря на это, перезревший вопрос так и оставался таковым до конца 1991 года. Во многом, как уже отмечалось выше, это стало возможным благодаря незаинтересованности заказчика в реализации собственного проекта, о которой к концу существования СССР он заявлял напрямую. Например, Б.И. Бездетный, занимавший должность начальником ОКСа непромышленных объектов ТПОЭиЭ Тюменьэнерго, говорил следующие: «Я лично считаю, что это лишняя трата денег» [21, с. 3].

Примерно в это же самое время вокруг кооператива «Комплекс» начал назревать конфликт между ТПОЭиЭ Тюменьэнерго и трестом Сургутэнергостроем. Он заключался в том, что рабочим этого объединения не выплачивали зарплату на протяжении почти трёх месяцев. Каждая из сторон снимала с себя ответственность и не желала брать дополнительных финансовых издержек [21, с. 3].

Стоит признать, что ранее обозначенный конфликт между заказчиком и генеральным подрядчиком музейно-этнографической зоны стал возможен из-за нарастающих противоречий между руководителями двух ведомств по вопросам реализации проекта. Градус напряжённости между объединением Тюменьэнерго и трестом Сургутэнергостроем был настолько высок, что чуть не обернулся сокращением жилищного фонда для последнего и отставкой его генерального директора. Всё это, наконец, привело к тому, что на очередном заседании президиума горсовета управляющий трестом Сургутэнергострой С.И. Ершов заявил о нежелании участвовать в строительстве музейно-этнографической зоны. Поскольку, во-первых, это не его профессиональная компетенция, а, во-вторых, всю ответственность за имеющиеся просчёты хотят возложить сугубо на его трест [21, с. 3]. По итогу внутриведомственной конфронтации в 1991 г. проект культурно-просветительского комплекса остался фактически без генподрядчика, финансирование строительно-монтажных работ было прекращено [6, с. 88].

Возвращаясь в 1990 год, заметим, что на фоне всепоглощающей инертности и уничтожения культурного наследия, в периодической печати вновь поднимается вопрос пренебрежительного отношения к исторической памяти. Например, зав. отделом объединения добровольческого труда молодёжи «Содружество» А. Фролов так характеризовал сложившуюся в те годы проблему: «Разрушение самобытных культур отозвалось однообразными жилищными коробками и городами... К сожалению, есть память народная, а есть – официальная, которой не нужна культура. Для неё важнее показатели. Ведомственный Сургут – классический образчик. Снесены старинные постройки, скрыты уникальные очаги многовековой человеческой культуры. Зато построена большая трубная база... Битва за нефть продолжается. Вот только ради кого?» [29, с. 2].

Чуть ранее в редакцию газеты «К победе коммунизма» приходит письмо от Т.И. Кейнер, в котором также угадываются завуалированные обвинения в бездействии, адресованным ответственным лицам: «Мы ходим и не понимаем, что каждый день – это история. И мы ее безвозвратно теряем. Уже на второй день Советской власти петроградский Совет народных депутатов выступил с обращением о сохранении исторических памятников. А мы? ... Старый город безвозвратно потерян, а могли бы сделать такой этнографический уголок!» [27, с. 2]. Примечательно, что в этом же газетном материале приводится и ответ на поставленный тов. Кейнер вопрос. Его дал В.И. Унжаков, занимавший должность главного архитектора города: «Создание историко-этнографической зоны волнует нас всех. Но заказчик Тюменьэнерго тихо саботирует строительство. Если это объединение не начнет работу, надо ставить вопрос о прекращении строительства жилых домов объединения в 10-м и 25-м микрорайонах» [27, с. 2].

Образовавшийся вакуум вокруг музейно-этнографической зоны, не мог существовать бесконечно. В частности, это подкрепляется ноябрьской заметкой «Музей уйдёт последним!», в которой журналисты газеты «Сургутская трибуна» характеризуют сложившуюся ситуацию следующим образом: «Сдвинется ли наконец проблема музейно-этнографической зоны? ... В следующий четверг директор объединения Тюменьэнерго... В.П. Соколов проводит у себя совещание, на котором и будет обсуждаться этот вопрос. На такой шаг он вынужден был пойти после упорного давления депутатов горсовета и прежде всего директора музея Л.В. Степановой» [14, с. 3].

Работники краеведческого музея, видимо, окончательно свыкаются с мыслью, что «спасение утопающих – дело рук самих утопающих». Поэтому, они принимают решение ни под каким предлогом не покидать территорию музея. Сама же ситуация вокруг него, как отмечали журналисты газеты «Сургутская трибуна», вызвала в 1990 г. тревогу: «Неизвестна судьба здания, в котором располагается... сургутский музей. Музейные работники поставили категорическое условие: переносить дом в этнографическую зону в последнюю очередь! Иначе уникальное здание постигнет участь десятков других старинных построек, так и не представших перед посетителями музея» [14, с. 3]. Как писал и Т. Самборский, «как только дверь закроется за последним музейным сотрудником, здание сразу растащат по бревнышкам, и от него не останется ничего» [22, с. 3].

За полгода до описанных выше событий в городе происходит ключевой эпизод всего 1990 года. В здании музыкальной школы № 1 в ночь с 5 на 6 мая происходит возгорание, приведшее к полному уничтожению памятника архитектуры. Эта новость в местной периодической печати вызвала эмоциональную реакцию. Например, Т. Самборский, характеризовал произошедший пожар следующим образом: «Четырехсотлетняя история нашего города, похоже, завершается... На смену памятникам деревянного зодчества... пришли холодные и одноликие бетонные коробки. Единственным уникальным деревянным зданием, которое еще не уничтожено, является музей... Во всяком случае, то, чего так

некоторые хотели, свершилось: школа уничтожена. Она и музей особенно мешали в последние годы, когда вокруг развернулось строительство нового микрорайона» [23, с. 3].

В свою очередь, П. Мунарев указывает на то, что с осени прошлого года здание музыкальной школы № 1 стояло совершенно пустым, ничем не задействованным [15, с. 3]. Наконец, в июне того-же года Т. Самборский, ранее озвучивший версию с «недоброжелателями», публикует на страницах газеты «Сургутская трибуна» статью «Уничтожение», в которой приводит следующие аргументы в пользу своей гипотезы. Во-первых, милиция отказалась заводить уголовное дело по причине нулевой стоимости объекта. Во-вторых, с весны 1991 г. в здании школы был отключён свет, из-за чего версия с неисправной электропроводкой выглядит нелепой. В-третьих, до пожара здесь хранилось оборудование и новая теплая одежда, оставленная кооперативом «Эргос», а также инструменты второй музыкальной школы. Утром 6 мая, после происшествия, ничего из вышеперечисленного здесь не оказалось [22, с. 3]. Так или иначе, со своей стороны заметим, что говорить однозначно о правомерности выдвинутых Т. Самборским обвинений ложно, поскольку, как следует из его же статьи, местные органы правопорядка отказались возбуждать уголовное дело, из-за чего произошедшему возгоранию так и не была дана правовая оценка.

Так или иначе, до трагических событий мая 1990 г. ситуация вокруг музыкальной школы № 1 характеризовалась, как крайне напряжённая. Сначала директор краеведческого музея Л.В. Степанова выступила с предложением разместить в здании школы хранилище, а также помещение для обработки экспонатов, что позволило бы осуществлять надлежащий надзор за памятником деревянного зодчества. Однако, несмотря на пустующие рядом дома, городские власти принимают иное решение и предоставляют помещения музыкальной школы № 1 реставраторам из московского кооператива «Эргос». Далее, в здании происходит череда прорывов тепло-отопительных сетей, спровоцировавших затопление всей площади деревянного строения, что не могло не отразиться на его состоянии. Со своей стороны, работники краеведческого музея вызвали комиссию, состоящую из членов ВООПИК, тогдашнего заместителя председателя горисполкома А.Л. Сидорова, а также главного архитектора города В.И. Унжакова. Однако никаких результатов она не принесла [22, с. 3]. Наконец, как пишет Т. Самборский: «Степанова поставила перед городским руководством вопрос ребром: если не в состоянии сами принять меры, оформляйте документы, что школа переходит на баланс музея, и я сама займусь этим вопросом. Такой документ был принят..., и Степанова сразу же отрезала у школы отопление и отключила свет. Сделать что-то более радикальное она и её коллеги не могли, а со стороны ответственных лиц они, естественно, не встречали ни малейшей поддержки... Ну, а итог у всей этой печальной истории известен» [22, с. 3].

Наконец, стоит сказать несколько слов о самих памятниках деревянного зодчества, которые навсегда были утрачены из-за необдуманной градостроительной политики. К

концу 1991 г. «чёрная летопись» потерь выглядела следующим образом. Несколько строений было уничтожено во время пожара. К таковым можно отнести здание музыкальной школы № 1, считавшееся памятником архитектуры республиканского значения, дом по улице Советская, 3, который был построен в конце XVIII века, а также терема, располагавшиеся по адресу ул. Мостовая, 5 и Красноармейская, 3 (начало XIX века). Последний, к слову, сгорел непосредственно перед переносом в музейно-этнографическую зону. Вторую категорию составляют те капитальные сооружения, которые подверглись целенаправленному сносу и демонтажу. Это бывший жилой дом священнослужителя Троицкого собора, датируемый концом XIX века (ул. Гагарина, 8), а также ещё 7 строений (ул. Просвещения, 19 / Республики, 45 / Республики, 17 / Кайдалова, 3 / Республики, 12 / Республики, 8 / Свободы, 18). Последнюю группу памятников деревянного зодчества XVIII – начала XX вв. составляют те дома, которые по разным причинам были разобраны. Один из них – здание бывшей аптеки, которое в 1989 г. рассортировал на составные части кооператив «Эргос». Что касается капитального строения, относящегося к улице Просвещения, 5, то оно было снесено при строительстве общежития и только потом уже растаскано дачниками. Незавидная судьба и у бывшего дома купца Силина (Республики, 7), в котором в советское время размещалась станция скорой помощи. Несмотря на то, что он имел статус памятника архитектуры местного значения, в 1991 г. его продолжали разбирать по бревнышку дачники и просто «любители старины». Аналогичная судьба постигла и строение по адресу улица Просвещения, 1 [21, с. 3].

Если подводить определённую черту под проектом музейно-этнографической зоны, то к началу июня 1990 г. ситуация вокруг него окончательно обретает бедственное и, возможно, безвыходное положение. Общий масштаб культурной катастрофы наглядно описывается Т. Самборским: «Из восемнадцати домов, подлежащих переносу в музейно-этнографическую зону, сохранились всего четыре!» [22, с. 3]. В этих условиях сама концепция музея под открытым небом не могла быть реализована в полной мере. Хотя, справедливости ради, на заседании оргкомитета по подготовке 400-летия Сургута, которое состоялось во второй декаде июля 1991 г., В.П. Замятина, занимавшая пост председателя комитета районного Совета народных депутатов, предлагала перенаправить все имеющиеся силы на реализацию проекта этнографической зоны [10, с. 1]. Наравне с этим, в периодической печати оговаривалась идея воссоздания точных копий, ранее утраченных памятников деревянного зодчества. Впрочем, эта инициатива вызывала ряд вопросов, касающихся аспектов точности реплик и их аутентичности [21, с. 3]. Так или иначе, всю полноту ответственности за сохранность домов, подлежащих музеефикации, как отмечает Т. Самборский, должны разделить между собой объединение Тюменьэнерго и трест Сургутэнергострой. Под ударом оказались и городские органы власти, которые приняли решение о размещении культурно-просветительского комплекса не в историческом центре Сургута, как предлагал это сделать А. Аболонин, а почти в километре от него, из-за чего

появилась необходимость в транспортировке на новое место десятка деревянных домов [22, с. 3].

Подводя итоги, стоит признать, что проект историко-этнографической зоны так и не был воплощён в жизнь. На это было несколько причин. Во-первых, не стоит полностью исключать фактор ведомственных интересов объединения Тюменьэнерго, главной целью которого являлось возведение и эксплуатация электростанций, а также сооружение нового жилого микрорайона на историческом месте города [6, с. 87]. Помимо прочего, на протяжении всего периода оформления этнографической зоны, как отмечали современники, наблюдался тихий саботаж принятых решений. При всём при этом, на попрание застройщика, как ни странно, нечего подобного со стороны Тюменьэнерго мы не наблюдаем. В добавок ко всему, странной выглядит ситуация вокруг пожара в здании музыкальной школы № 1, где не исключалась версия с поджогом. Во-вторых, это отсутствие должной реакции властей и ВООПИК на ряд вышеописанных событий, происходивших вокруг проекта. Некоторые строения обладали статусом памятника архитектуры местного или республиканского значения, а также имели на своих фасадах мемориальные доски. Следовательно, они должны были находиться под защитой. На практике же, мы наблюдаем безразличие, вылившееся в неконтролируемый снос исторической застройки.

По результатам необдуманной градостроительной политики, Старый Сургут, считавшийся ярким примером пространства с архитектурным и историческим наследием, был безвозвратно утрачен. Его уничтожение нанесло значительный урон идентичности города, который невозможно восполнить, какие бы усилия не предпринимались. В 1996 г. местные власти приняли решение о создании Историко-культурного центра «Старый Сургут», состоящего из точных реплик ранее существовавших памятников архитектуры [26]. Однако, как нам кажется, это всего лишь симулякр – имитация исторического пространства. В общем и целом, если характеризовать всю градостроительную политику тех лет, осуществляемую в этом районе, то, как отмечает И.Н. Стась: «Историческая преемственность при становлении нового промышленного Сургута скорее имела форму подавления и разрушения предшествующего поселения, его традиций и культуры» [25, с. 23].

Литература

1. Аболонин А. Сохраним для потомков // К победе Коммунизма. № 177 (1982): 10 октября.
2. Батищева Г. Урбанист, архитектор и старожилы – про сценарии развития Сургута, которым не суждено было сбыться // ugra-news.ru. <https://clck.ru/3DM7hR>

3. Белкина А., Тверетина М., Кушникова Т. И другие. Это нашего сердца память // К победе Коммунизма. № 134 (1989): 15 июля.
4. Буканина М. Мемориал на самом видном месте // К победе Коммунизма. № 187 (1982): 24 сентября.
5. Васильев В. К 400-летию Сургута // К победе Коммунизма. № 113 (1989): 14 июня.
6. Веселов С. И. Условия создания и становления историко-культурного центра «Старый Сургут»: К проблеме сохранения исторической застройки (конец 1960-х – начало 2000-х гг.) // Российское могущество прирастает будет Сибирью. Сб. статей. Всероссийской научно-практической конференции, посвященной памяти И. П. Захарова. Сургут: Издательский центр, 2023. С. 85-89. <https://clck.ru/3DM7Dj>
7. Захаров И. Музейная зона города // К победе Коммунизма. № 49 (1984): 12 марта.
8. Захаров И. Рвутся нити памяти // К победе Коммунизма. № 92 (1989): 16 мая.
9. Захарова Л. Ветер перемен. В Сургуте после ремонта открыт дом купца Клепикова // siapress.ru. <https://clck.ru/3DM7pE>
10. Иванников Н. Между прошлым и будущим // Сургутская трибуна. № 135 (1991): 18 июля.
11. Исупов Р. Название утеряно // К победе Коммунизма. № 247 (1983): 24 декабрь.
12. Красовитова Э.С. Процессы урбанизации в эпоху активного освоения севера Сибири (на примере города Сургута) // Вестник Нижневартовского государственного университета. 2019. № 3. С. 130-136. <https://clck.ru/3DM8N8>
13. Кружева нашего города // К победе Коммунизма. № 35 (1970): 21 марта.
14. Музей уйдёт последним // Сургутская трибуна. № 213 (1990): 2 ноября.
15. Мунарев П. В разомкнутой цепи разговоров // Сургутская трибуна. № 100 (1990): 26 мая.
16. Нечушкин А. Новый пейзаж поля // К победе Коммунизма. № 19 (1970): 12 февраля.
17. Никифоров Е. Будущий Сургут и будущее Сургута // К победе Коммунизма. № 14 (1971): 3 февраля.
18. Показаньев Ф. Чтобы город не был безликим // К победе Коммунизма. № 25 (1986): 5 февраля.
19. Показаньев Ф., Захаров И., Мясняков А., Сибирцев А., Лоншакова Е. Что будет с музеем // К победе Коммунизма. № 70 (1988): 12 апреля.
20. Походенко А. Рукой подать до будущего // К победе Коммунизма. № 71 (1970): 13 июня.
21. Самборский Т. Резервация // Сургутская трибуна. № 143 (1991): 30 июля.
22. Самборский Т. Уничтожение // Сургутская трибуна. № 106 (1990): 5 июня.
23. Самборский Т. Уничтожение // Сургутская трибуна. № 98 (1990): 24 мая.
24. Сенькина З. И век идёт на смену веку // К победе Коммунизма. № 121 (1989): 24 июня.

25. Стась И.Н. Сургут: Образы и пространства «нефтяного города» // Культурная и гуманитарная география. 2013. Т. 2. № 1. С. 18-27. <https://clck.ru/3DM8CU>
26. Страницы истории // Старый Сургут. Историко-культурный центр. <https://clck.ru/3DM7wU>
27. Тименкова И. Всё было тогда голубым и зелёным // К победе Коммунизма. № 59 (1990): 24 марта.
28. Топилина Т. Чтобы сохранять память // К победе Коммунизма. № 135 (1986): 12 июля.
29. Фролов А. Северная провинция // Сургутская трибуна. № 99 (1990): 25 мая.
30. Чтоб не прерывалась связь времён // К победе коммунизма. № 224 (1983): 19 ноября.

References

1. Abolonin, A. (1982). Sokhranim dlya potomkov. *K pobede Kommunizma*. № 177. 10 oktyabrya. (in Russ.).
2. Batishcheva, G. Urbanist, arkhitekto i starozhily — pro stsennyy razvitiya Surguta, kotorym ne suzhdeno bylo sbyt'sya // *ugra-news.ru*. (in Russ.). <https://clck.ru/3DM7hR>
3. Belkina, A., Tveretina, M., Kushnikova, T. (1989). Eto nashego serdtsa pamyat' // *K pobede Kommunizma*. № 134. 15 iyulya. (in Russ.).
4. Bukanina, M. (1982). Memorial na samom vidnom meste. *K pobede Kommunizma*. № 187. 24 sentyabrya. (in Russ.).
5. Vasiliev, V. (1989). K 400-letiyu Surguta. *K pobede Kommunizma*. № 113. 14 iyunya. (in Russ.).
6. Veselov, S.I. (2023). Usloviya sozdaniya i stanovleniya istoriko-kul'turnogo tsentra «Staryy Surgut»: K probleme sokhraneniya istoricheskoy zastroyki (konets 1960-kh – nachalo 2000-kh gg.). *Rossiyskoye mogushchestvo prirastat' budet Sibir'yu*. Sb. staej. Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoy pamyati I. P. Zakharova. Surgut: Izdatel'skiy tsentr, S. 85-89. (in Russ.). <https://clck.ru/3DM7Dj>
7. Zakharov, I. (1984). Muzeynaya zona goroda. *K pobede Kommunizma*. № 49. 12 marta. (in Russ.).
8. Zakharov, I. (1989). Rvutsya niti pamyati. *K pobede Kommunizma*. № 92. 16 maya. (in Russ.).
9. Zakharova, L. Veter peremen. V Surgute posle remonta otkryt dom kuptsa Klepikova // *siapress.ru*. (in Russ.). <https://clck.ru/3DM7pE>
10. Ivannikov, N. (1991). Mezhdz proshlym i budushchim. *Surgut tribune*. № 135. 18 iyulya. (in Russ.).

11. Isupov R. (1983). The name is lost. *K pobede Kommunizma*. № 247. 24 dekabrya. (in Russ.).
12. Krasovitova, E.S. (2019). Protsessy urbanizatsii v epokhu aktivnogo osvoyeniya severa Sibiri (na primere goroda Surguta). *Vestnik Nizhnevartovskogo gosudarstvennogo universiteta*. № 3. S. 130-136. (in Russ.). <https://clck.ru/3DM8N8>
13. Kruzheva nashego goroda (1970). *K pobede Kommunizma*. № 35. 21 mar. (in Russ.).
14. Muzey uydut poslednim (1990). *Surgut tribune*. №213. 2 nov. (in Russ.).
15. Munarev, P. (1990). V razomknutoy tsepi razgovorov. *Surgut tribune*. № 100. 26 maya. (in Russ.).
16. Nechushkin, A. (1970). Novyy peyzazh polya. *K pobede Kommunizma*. № 19. 12 fevralya. (in Russ.).
17. Nikiforov, E. (1971). Budushchiy Surgut i budushcheye Surguta. *K pobede Kommunizma*. № 14. 3 fevralya. (in Russ.).
18. Pokazaniev, F. (1986). Chtoby gorod ne byl bezlikim. *K pobede Kommunizma*. № 25. 5 fevralya. (in Russ.).
19. Pokazaniev, F., Zakharov, I., Myasnyakov, A., Sibirtsev, A., & Lonshakova, E. (1988). Chto budet s muzeyem // To the victory of communism. № 70. 12 aprelya. (in Russ.).
20. Pokhodenko, A. (1970). Rukoy podat' do budushchego // *K pobede Kommunizma*. № 71. 13 iyunya. (in Russ.).
21. Samborsky, T. (1991). Rezervatsiya. *Surgut tribune*. № 143. 30 iyulya. (in Russ.).
22. Samborsky, T. (1990). Unichtozheniye. *Surgut tribune*. 1990. № 106. 5 iyunya. (in Russ.).
23. Samborsky, T. (1990). Unichtozheniye. *Surgut tribune*. № 98. 24 maya. (in Russ.).
24. Senkina, Z. (1989). I vek idot na smenu veku. *K pobede Kommunizma*. № 121. 24 iyunya. (in Russ.).
25. Stas', I.N. (2013). Surgut: Obrazy i prostranstva «neftyanogo goroda». *Kul'turnaya i gumanitarnaya geografiya*. T. 2. №1. S. 18-27. (in Russ.). <https://clck.ru/3DM8CU>
26. Stranitsy istorii // *Staryy Surgut. Istoriko-kul'turnyy tsentr*. (in Russ.). <https://clck.ru/3DM7wU>
27. Timenkova, I. (1990). Vso bylo togda golubym i zelonym. *K pobede Kommunizma*. № 59. 24 marta. (in Russ.).
28. Topilina, T. (1986). Chtoby sokhranyat' pamyat'. *K pobede Kommunizma*. № 135. 12 iyulya. (in Russ.).
29. Frolov, A. (1990). Severnaya provintsiya. *Surgut tribune*. № 99. 25 maya. (in Russ.).
30. Chtob ne preryvalas' svyaz' vremon (1986). *K pobede Kommunizma*. № 224. 19 noyabrya. (in Russ.).

дата поступления: 28.08.2024

дата принятия: 22.10.2024

© Бызов О.И., 2024